

4. Мануил (Лемешевский), митр. Русские православные иерархи (992–1892) : в 3 т. / митр. Мануил (Лемешевский). – М. : Изд. Сретенского монастыря, 2002. – Т. 1: Аарон–Иоаким II. – 543 с.

5. Мануил (Лемешевский), митр. Русские православные иерархи (992–1892) : в 3 т. / митр. Мануил (Лемешевский). – М. : Изд. Сретенского монастыря, 2003. – Т. 2: Иоан–Симеон II. – 607 с.

6. Полное собрание русских летописей. – СПб. : Тип. М. А. Александрова, 1908. – Т. 2: Ипатьевская летопись. – 638 с.

7. Полное собрание русских летописей. – СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1862. – Т. 9: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. – 282 с.

8. Житие Феодосия Печерского // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексева, Н. В. Поньрко. – СПб. : Наука, 1997. – Т. 1: XI–XII вв. – С. 352–532.

9. Голубинский, Е. Е. История Русской Церкви : в 2 т. / Е. Е. Голубинский. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Императорское общество истории и древностей российских при Московском университете, 1901. – Т. 1: Период первый. Киевский или домонгольский, 1-я половина тома. – 968 с.

10. Фомина, Т. Ю. Социально-политический статус архиереев домонгольской Руси по летописным источникам / Т. Ю. Фомина // Христианское чтение. – 2015. – № 2. – С. 24–44.

УДК 811.161.1:[81'37:94]:81'367.622

Е. И. Холявко

ГГУ имени Ф. Скорины, г. Гомель

СТАРΟΣЛАВЯНСКОЕ СЛОВО КАК ДУХОВНАЯ ЦЕННОСТЬ

В статье характеризуется старославянское слово как историческое и духовное наследие. Определяется роль старославянского языка в создании русского литературного языка; указывается значение сакрального статуса языка для развития высокого стиля как формы выражения высоких мыслей; подчеркивается дидактическая уникальность сакрального языка для формирования языковой личности.

Великие славянские Просветители Кирилл и Мефодий прошли свой крестный путь и оставили нам великий дар – старославянский

язык. Язык, обладающий спасающей и исцеляющей силой; язык, содержащий в себе науку нравственной жизни; язык, источающий исцеление всем скорбям и невзгодам; язык премудрости Божьей; язык, выражающий Божественную сущность; язык, которым Бог говорит с человеком. Эту мысль в XII веке очень точно выразил Кирилл Туровский: «Да вси, веже и невеже, примут спасение от почитанья книжнаго» [1, с. 445]. И современные ученые неожиданно поддерживают эту идею: «Слово старославянское – не условный знак, а безусловный символ, обладающий реальной духовной силой» [2, с. 71]. Феномен неконвенционального восприятия языкового знака является базовым психолого-семиотическим механизмом, дающим основу для фидеистического отношения к языку. «Это то зерно, из которого вырастает вера в волшебные и святые слова. Безусловное восприятие языкового знака в той или иной мере и форме определяет взаимоотношения языка и мифолого-религиозного сознания» [3, с. 44].

Создание славянской азбуки (слово происходит от названия двух первых букв азбуки) было провозглашено Божественным откровением. В «Житии Константина» прямо указано: «Вскоре открыл ему их Бог» [4]. Современные исследователи всё более склоняются к мысли, что первая азбука, созданная Кириллом, – глаголица. Наименование происходит от названия четвертой буквы азбуки, мотивированной словом *глаголь* [5, с. 170], которое в старославянском языке обозначало и слово и дело, действие, событие. Слово и было делом. Глаголица представляет собой плод творчества человека-христианина. Потому первая буква алфавита *азъ* обозначалась крестом, символом Христа, но и символом крестного пути каждого человека. Именно в азбуке возникает образ Иисуса как Слова Божьего. Уместно вспомнить, что первая фраза, переведенная Кириллом и Мефодием, была началом Евангелия от Иоанна: «*Искони бе слово, и слово бе Богу, и слово бе Бог*». Имя Иисуса в сакральной краткой записи передается двумя буквами: *иже* (который) и *слово* – то слово, которое свет; тот свет, что и во тьме светит.

В апостольском языке слово интерпретировалось как дар от Бога человеку, получившему не только дар слова, но и разум. В старославянском языке *слово* зафиксировано в значениях и ‘дар речи’, и ‘разум’, производное относительное прилагательное *словесьнь* – в значении ‘обладающий разумом’ [5, с. 611]. Естественно, что владение словом связывалось со способностью мыслить. Обладая этой способностью, человек мог прикоснуться к постижению глубин божественного логоса и через его познание обрести спасение.

Каждая буква азбуки начинала собой слово, и вся азбука представляет собой зашифрованное послание – текст, написанный от имени Бога. Существует множество попыток раскодировать этот текст. Однако не существует и не может быть единого варианта. Символика букв предполагает множественность прочтения, предполагает диалог читателя с истиной – истиной, объединяющей людей. И эта важнейшая миссия, которую выполнял старославянский язык.

Благодаря своей сакральной и надэтнической сути старославянский язык посредством церковнославянского языка естественно и надолго, вплоть до XVII века, становится литературным языком, в котором книжные нормы русской письменности были обусловлены следованием старославянскому образцу. Даже в начале XX века половина слов в составе русского литературного языка, по подсчетам академика Алексея Александровича Шахматова, была старославянского происхождения.

Продуктивность и регулярность церковнославянских морфем при образовании отвлеченных или (и) терминологических номинаций в современном русском литературном языке объясняется генетически, традиционным многовековым отсутствием тождества «почитания книжного» с бытовой сферой. Справедливо утверждение В. В. Колесова о том, что утрата нашими современниками высокой формы выражения мыслей, неактуальность высокого стиля приводит неизбежно к утрате высоких смыслов: «...снятие высокого стиля, разрушение норм и дискредитация классических текстов-образцов приводят в конечном счете к истреблению символических слов и образных понятий национальной ментальности, которые сохраняют нацию во времени и пространстве. Когда *соборность* заменили *коллективом*, *совесть* – *сознательностью*, *согласие* – *консенсусом*, *торжество* – *фестивалем*, *положение* – *ситуацией*, *честь* – *престижем*, *службу* – *сервисом*, *любовь* – *сексом* и тому подобное, разрушилась гармония отношений, которая определялась образным смыслом коренных славянских слов» [6, с. 147]. До нашего времени церковнославянская форма остается испытанной веками надежной высокой формой выражения высоких смыслов.

Однако историческая роль именно старославянского языка, обладающего замкнутой лексической системой, не исчерпывается его вкладом в формирование нормы общенационального русского литературного языка. Авторитет языка апостольского, проросшего в виде церковнославянского языка русской редакции в высоких книжных стилях, естественно соединившегося с природной энергией народного

русского слова, наполнял созидательной духовной силой идеальное слово. Вероятно, этим влиянием обусловлен и религиозно-этический характер русской философии, и духовность классической русской литературы, поразившей весь мир силой совести и страдания.

Дидактическая уникальность сакрального старославянского слова заключается в формировании языковой личности. По этой причине в церковнославянскую форму закономерно облечены многие слова эмотивно-ментальной сферы: *благо* и *блаженство*, *совесть* и *знание*, *надежда* и *отчаяние*, *смирение* и *терпение*, *трудность* и *возможность*, *вдохновение* и *воодушевление*, *просвещение* и *исцеление*, *победа* и *поражение*, *радость* и *веселие*, *мудрость* и *спасение* и др. Фидеистическое отношение к слову без труда восстанавливается в традиционных ритуалах и речевых жанрах благодарности, поздравления, приглашения, приветствия, извинения и прощания. Генетическая глубинная семантика соответствующих базовых слов направлена на привлечение здоровья, энергии, установление обратной связи.

Семантическая реконструкция лексем старославянского происхождения позволяет утверждать, что духовные ценности формировались на основе религиозных. Их концептуальным воплощением стали слова *совесть*, *познание*, *мудрость*, *молитва*, *покаяние*, *исповедь*, *слово*. Несмотря на структурно-семантическую близость слов *сознательность*, *сознание*, ни одно из них не может быть равнозначным русской лексеме *совесть*, запечатлевшей духовный поиск русского человека.

Тождеством христианского и народного восприятия отличаются также такие этические ценности, как правдивость, искренность; стыд и совесть; честь и слава; гостеприимство, щедрость; доброта, любовь к ближнему. Закономерно, что большинство лексем, являющихся именами соответствующих концептов, имеют церковнославянское происхождение. Разумеется, аксиологическая мотивация концепта может быть различной в христианской и народной духовной культуре, однако сущность равнозначна. Она определяется генетически, базовой семантикой корня и устанавливается при его реконструкции. Внимание ко внутренней форме слова дает возможность неконвенциональной трактовки языкового знака, постижения его семантических истоков.

Безусловно, в языке номинируется только то, что проявляет ценностное отношение человека к миру, на основании чего формируется языковая картина мира, что создает основу для концептуальной обработки языка. То, что лишено ценности, или не номинируется, или же ни лексически, ни словообразовательно не детализируется.

Понятно, к примеру, что доброта как проявление эмпатии, душевного расположения к людям, сострадания, отзывчивости, стремления делать добро другим всегда ценилась не только потому, что «добро в представлениях Средневековья было понятием персонифицированным, являющимся сущностным атрибутом Бога» [7, с. 296], но и потому, что все существо человека было проникнуто жаждой добра, отсутствие которого по отношению к себе человек ощущал в жизни. Об этом свидетельствуют русские пословицы: *Ждать добра, да долго; Было добро, да давно; За добро Бог плательщик* [8, с. 443]. О ценности концепта в разные исторические периоды свидетельствуют многочисленные производные лексемы с корнями *добр-* и *благ-*, характеризующие сферу моральных отношений, например в современном русском языке: *доброжелательный, добросердечный, добросовестный, добронравный, добродетельный, добропорядочный, добродушный, добрососедский* [9, с. 409–410] и *благодарный, благожелательный, благородный, благодетельный, благотворительный, благотворный, благомыслящий, благонравный, благовоспитанный* [9, с. 409–410].

Исследование семантической истории корня показывает, что этическая сема в составе семемы появилась не сразу. Например, в древнерусский период в производной лексеме *доброта* доминирующим было значение ‘красота’, а значение ‘доброе отношение’ являлось периферийным [10, с. 680]. Это закономерно объясняется средневековым восприятием красоты, которая, «будучи сущностным атрибутом Бога, была понятием не столько эстетическим, сколько религиозным и этическим» [7, с. 302]. К примеру, слово *добръ* имело значение ‘красивый’ [5, с. 192], глагол *уподобити* означал ‘украсить’, ‘уподобить’ [5, с. 742], т. е. сделать подобным Богу; *лень* ‘красивый’, ‘приличный, надлежащий, уместный’ [5, с. 314]. Т. И. Вендина справедливо утверждает: «Мир (и человек) как творения Божьи не могли быть некрасивыми, безобразными или уродливыми, отсюда отсутствие в старославянском языке антонимов у прилагательных со значением ‘красивый’, и это объясняет языковую «непроработанность» эстетических ценностей» [7, с. 302]. Со временем целостность этического и эстетического смысла разрушается. Эти смыслы могут противопоставляться, о чем свидетельствует, например, русская пословица *Не ищи красоты, ищи доброты* [8, с. 444]. Значения могут дифференцироваться акцентологически, например: *добротá* ‘добродушие, доброжелательство, склонность к добру как качество человека’ и *добрóта* ‘прочность, достоинство вещи’, диал. ‘добро, имущество’ [8, с. 444].

Семантическая реконструкция старославянских слов позволяет вскрыть иное языковое сознание, выявляющее духовную энергию

безусловной сути, Божественного откровения. Примером может служить пара лексем с противоположной семантикой, иллюстрирующая многовековую путь духовного постижения истины – от отчаяния к надежде. Лексемы *отчаяние* ‘состояние безнадежности, упадок духа’ [5, с. 436], и *надежда* ‘ожидание желаемого, соединенное с уверенностью в возможности осуществления’ [5, с. 346] в старославянском языке при сформировавшейся абстрактной ядерной семантике сохраняют прозрачность внутренней формы.

Внутренняя форма первого слова определяется приставкой с модификационным значением окончания и корнем родственного глагола *чаять*, то есть внутренней формой лексемы *отчаяние* можно считать ‘окончание ожидания, утрата надежды’. Слово связано отношениями генетического словопроизводства с церковнославянским глаголом *отъчаяти* ‘приходить в отчаяние’, ‘признать безнадежным’. Однако в старославянском языке этот глагол означал ‘обезуметь’ [5, с. 436]. В структуре слова *отчаяние* содержатся компоненты энантиосемии. Приставка указывает на двойственность, из которой рождается потребность в действии, развитии. Отчаяние является источником надежды, в нем рождается сила, дающая человеку убежденность в возможности осуществления его желаний, поскольку и лексема, обозначающая соответствующее понятие, содержит потенциальную модификационную сему начала.

Таким образом, внутренняя форма приведенных слов, их происхождение обусловило концептуально-ценностные свойства, характеристику языковой личности. Определяя значение старославянского языка, утверждая его онтологический статус, подчеркивая роль в замедлении диалектной дифференциации русского языка, в формировании русского литературного языка и русской культуры, А. М. Камчатнов называет славянский язык словесной иконой: «Славянский язык есть словесная икона» [11].

Список источников и литературы

1. Мельнікаў, А. А. Кірыл, епіскап Тураўскі : Жыццё. Спадчына. Светапогляд / А. А. Мельнікаў. / Мінск : Беларуская навука, 1997. – 462 с.
2. Камчатнов, А. М. Страница из истории борьбы за церковнославянский язык / А. М. Камчатнов // Ежегодная богословская конференция православного Свято-Тихоновского богословского института. – М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский Институт, 1997. – С. 71–75.

3. Мечковская, Н. Б. Язык и религия : пособие для студентов гуманитарных вузов / Н. Б. Мечковская. – М. : Агентство «ФАИР», 1998. – 352 с.

4. Житие и жизнь и подвиги, иже во святых отца нашего Константина Философа, первого наставника и учителя славянского народа [Электронный ресурс] // DrevLit : библиотека древних рукописей. – Режим доступа: https://drevlit.ru/docs/chehia/IX/Slav_pis/text1.php. – Дата доступа: 11.11.2023.

5. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / под ред. : Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. – М. : Русский язык, 1999. – 842 с.

6. Колесов, В. В. «Жизнь происходит от слова...» / В. В. Колесов. – СПб. : «Златоуст», 1999. – 368 с.

7. Вендина, Т. И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка / Т. И. Вендина. – М. : Индрик, 2002. – 336 с.

8. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М.: Русский язык, 1989–1991. – Т. I: А–З. – 1989. – 699 с.

9. Словарь русского языка : в 4 т. / Ин-т русского языка АН СССР ; Гл. ред. А. П. Евгеньева. – 3-е изд., стереотипное. – М. : Русский язык, 1985–1988. – Т. I: А–Й. – 1985. – 696 с.

10. Срезневский, И. И. Словарь древнерусского языка : в 3 т. / И. И. Срезневский. – М. : Книга, 1989. – Т. I: А–К. – 771 с.

11. Камчатнов, А. М. Сакральный славянский язык в Церкви и культуре [Электронный ресурс] / А. М. Камчатнов // Благодатный огонь. Православный журнал. – 2022. – № 19. – Режим доступа: <https://blagogon.ru/digest/12>. – Дата доступа: 11.11.2023.

УДК 94:72.033.5(430)«12/15»

А. М. Толокина

Филиал МПГУ, г. Черняховск, РФ

АРХИТЕКТУРА ЗАМКА В КОНТЕКСТЕ ВОЕННОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА

В статье рассказывается о некоторых замках Восточной Пруссии, их истории, архитектуре, и как они влияли на военное противостояние рыцарей Тевтонского ордена и Великого княжества Литовского, а также освоение края рыцарями. Отражена система снабжения замков и ведение ими собственного хозяйства.